

Язык заключения эксперта-лингвиста

 В.О. Кузнецов

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Статья посвящена языку заключения эксперта-лингвиста как одному из аспектов проблемы языка судебной экспертизы, входящего в общетеоретический блок структуры современной судебной экспертологии. Показано, что заключение эксперта представляет собой неоднородный в стилевом отношении процессуальный документ, совмещающий элементы как официально-делового, так и научного стиля речи. В языковом аспекте рассмотрены форма и содержание составляющих частей заключения эксперта-лингвиста: вводной части, исследовательской части и раздела «Выводы». Показано, что соблюдение принципов составления заключения эксперта и ответственное отношение эксперта к выбору языковых средств при изложении хода и результатов исследования позволит повысить статус этого процессуального документа как одного из доказательств.

Ключевые слова: язык заключения эксперта, язык судебной экспертологии, судебная лингвистическая экспертиза

Для цитирования: Кузнецов В.О. Язык заключения эксперта-лингвиста // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 1. С. 6–15. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-1-6-15>

The Language of the Linguistic Expert's Opinion

 Vitaly O. Kuznetsov

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article is devoted to the language of linguistic expert's opinion as one of aspects of language problem of forensic examination and as a part of general theoretical block in structure of modern forensic expertise. It is stated that the expert's opinion is a heterogeneous procedural document by its style since it is combining elements of both official and scientific style of speech. A form and a content of constituent parts of the linguistic expert's opinion are considered from perspective of language. These parts are: introduction, research part and conclusion. It is determined that compliance with principles of drawing up the expert's opinion and responsible attitude of the expert to the choice of linguistic means when describing process of study will make this procedural document a strong argument when used as an evidence.

Keywords: language of the expert's opinion, language of forensic expertise, forensic linguistic examination

For citation: Kuznetsov V.O. The Language of the Linguistic Expert's Opinion. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2023. Vol. 18. No. 1. P. 6–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-1-6-15>

Введение

По определению Л.Г. Эджубова, язык судебной экспертизы – система общих и частных понятий и правил их использования, предназначенная для оптимального и эффективного проведения экспертного исследования, описания этого процесса и

представления его результатов [1, с. 434]. В этом емком определении акцентируется внимание на использовании системы понятий для создания основного продукта судебно-экспертной деятельности – заключения эксперта. Затронуты и задействованные в его создании аспекты судебно-экс-

пертной деятельности, а именно – аспект метаязыка судебной экспертологии, то есть системы экспертных понятий, и аспект языка заключения эксперта, связанный с описанием процесса экспертного исследования и представления его результатов.

Первый из выделенных аспектов подробно рассмотрен в предыдущей статье [2]. С ним неразрывно связан и второй аспект – язык заключения эксперта. Прежде всего он имеет отношение к традиционно выделяемому многими учеными положению о трех видах языка, составляющих язык судебного эксперта: естественный язык (общеупотребительный), язык науки (специализированный), формализованный язык (символический, знаковый) [3–12].

Авторы концепции современной судебной экспертологии Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина и А.М. Зинин, полагают, что в настоящее время стоит говорить о синтезе всех трех видов языка, обслуживающих судебно-экспертную деятельность [10, с. 58]. Эта концепция, с точки зрения лингвистики (науки о языке), более корректна, чем предыдущая. Основа заключения эксперта – естественный язык, но, излагая содержание исследования, эксперт непременно прибегает и к элементам научного стиля (прежде всего к терминам и понятиям, формулировкам, характерным для научного функционального стиля языка и др.), и к формализованным элементам (принятые в определенной базовой науке знаки, символы, формулы и др.).

Для такого языка, сочетающего в себе разнородные элементы, Е.И. Галяшина справедливо использует распространенное в научной литературе понятие «язык для специальных целей» / «специальный язык»: «Выделение такого понятия, как специальный язык, язык специальных знаний (метаязык судебной экспертной деятельности), связано с историческим разделением труда и необходимостью общения на профессиональные темы. Язык эксперта является специальным языком, реализуемым на практике в виде заключения эксперта (специалиста) и его показаниями в ходе допроса» [13, с. 264].

Данный специальный язык, однако, неоднороден в стилевом плане: он включает в себя элементы как официально-делового, так и научного стиля речи. Это отмечает и А.М. Плотникова: «Заключение эксперта как особый жанр не уместается в существующую систему стилей, совмещая черты науч-

ного и официально-делового стилей. Будучи документом, текст заключения эксперта одновременно является научным текстом, в котором применены специальные знания, использована специальная система экспертных понятий» [14, с. 430].

Такая неоднородность, по нашему мнению, обусловлена тем, что в понятии «заключение эксперта» можно выделить две равноценные составляющие – форма и содержание. Так, форма определяется процессуальным статусом заключения и должна соответствовать законодательным требованиям, предъявляемым к источникам сведений об обстоятельствах, необходимых для разрешения дела. А по своему содержанию заключение эксперта представляет собой мотивированные ответы эксперта на поставленные вопросы. К этим ответам он приходит на основе своих специальных знаний в ходе всестороннего и полного исследования объекта экспертизы. Итоговый документ, с одной стороны, включает предметную информацию, отражает научный и технологический уровни производства исследований, а с другой – является важнейшим процессуальным носителем доказательственной информации [15, с. 4].

Если соотнести форму и содержание заключения эксперта с его традиционно выделяемыми частями, то можно заметить, что формальный аспект прежде всего характеризует вводную часть, а содержательный – исследовательскую. Соответственно, вводная часть заключения эксперта составляется в официально-деловом стиле, для которого характерны прежде всего стандартизованность построения текста, точность и однозначность, а исследовательская часть – в научном стиле, который характеризуется логичностью, объективностью, насыщенностью научными терминами и др.

Язык вводной части заключения эксперта

Вводная часть заключения эксперта имеет строгую композицию. В ней, в соответствии с законодательством, должны быть отражены определенные обязательные элементы. Так, согласно ст. 204 УПК РФ, ст. 86 ГПК РФ, ст. 86 АПК РФ, ст. 82 КАС РФ и ст. 25 ФЗ о ГСЭД¹, в вводную часть экс-

¹ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

пертного заключения включают следующие структурные компоненты:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы.

Во вводной части эксперты в основном используют речевые клише – шаблонные фразы, речевые штампы, то есть элементы официально-делового стиля речи. Такие клише обычно содержатся в локальных нормативных актах судебно-экспертного учреждения, например, в инструкции по делопроизводству, в которой представлен образец оформления вводной части заключения эксперта. Они также приводятся в работах, посвященных заключению эксперта [15].

Язык исследовательской части заключения эксперта

Научный стиль исследовательской части заключения эксперта в целом определяется жанром этой части («исследование»), а также законодательством. Так, в соответствии со ст. 25 ФЗ о ГСЭД в заключении эксперта должны быть отражены содержание и результаты исследований с указанием примененных методов, а также оценка результатов исследований и обоснование выводов по поставленным вопросам. Эти положения закона в целом закрепляют сущность заключения эксперта как носителя выводного знания. Также они обязуют определенным образом описывать процесс исследования, а именно – обосновывать полученные результаты путем приведения выявленных в ходе исследования

признаков, а не декларативно и бездоказательно указывать результаты исследования. На это обращал внимание профессор А.Р. Шляхов: «Заключение эксперта, как и другие источники доказательств, должно внушать доверие; это возможно при условии ясности и простоты изложения хода исследования, научной обоснованности, убедительности и аргументированности выводов» [16, с. 167].

Также А.Р. Шляхов, говоря о простоте и ясности изложения, напоминает, что адресаты экспертного заключения – множество участников процесса: «Описывая результаты исследования, эксперт не должен увлекаться специальными понятиями и терминами, пользоваться без надобности иностранными словами. Ему следует учитывать, что с заключением будет знакомиться широкий круг лиц, участвующих в уголовном или гражданском процессе; все они по-своему оценивают научную обоснованность, достоверность выводов эксперта» [там же, с. 166–167]. Описанную выше проблему Т.В. Аверьянова называет «проблемой адресата».

Возможным ее решением является использование приема «двойного описания». Его суть в том, что эксперт детально описывает проведенные исследования с использованием необходимого набора терминов и понятий, а затем повторно поясняет результаты этих исследований, адаптируя их для понимания всеми участниками процесса [1, с. 437]. Другой вариант решения этой проблемы связан с формализацией и унификацией языка экспертного заключения. Его предлагает Е.И. Галяшина: «Используя язык науки либо иной специальный язык, эксперт должен учитывать возможность восприятия данного заключения. Формализация и унификация языка экспертного заключения – закономерный процесс, позволяющий более эффективно использовать данный вид доказательства» [13, с. 270].

В языковом аспекте заключение эксперта следует рассматривать как разновидность научного текста, исходя из используемых в нем языковых средств. А.М. Плотникова, рассматривая языковые особенности заключения эксперта, отмечает, что выбор последним языковых средств при составлении заключения обусловлен такими свойствами, как «настройка на эксплицитно представленную логичность, репрезентативность аргументации, бессубъектность, констатирующий характер» [14,

с. 427]. А.М. Плотникова подчеркивает, что в данном случае редко используются стандартные речевые способы оформления научного текста: «Так, традиционно в научном тексте применяются способы введения чужой речи, цитирования, ссылок на мнения ученых (*по словам, согласно концепции, в статье/монографии было отмечено...*). Подобные маркеры в заключении эксперта нечастотны. Точно так же довольно редки элементы фатической научной речи, к которым можно отнести субъективно-модальные операторы: *лучше сказать, удивительно, интересно, обращает на себя внимание*. В целом неупотребительны сигналы хода мысли: *заметим, отметим, вспомним, подчеркнем, здесь следует вспомнить, приведем одну параллель* и др. Бессубъектность как черта научного текста свойственна заключению эксперта, в котором обычно не используется ни научное «мы», ни указывающее прямо на автора «я»» [там же, с. 427–428].

Заключение эксперта имеет и жанровую специфику. Так, А.М. Плотникова отмечает его вторичный характер и метатекстовость: «Принципиально важной особенностью судебной лингвистической экспертизы является вторичный характер жанра экспертного заключения: во-первых, экспертное заключение представляет собой метатекст, созданный в связи с текстом, послужившим материалом лингвистического анализа, и, во-вторых, данный текст отражает реакцию на сформулированные следственными, судебными органами, адвокатами или иными лицами вопросы» [там же, с. 425]. Отличие заключения эксперта от других научных текстов подчеркивает и А.Н. Баранов: «В основе экспертизы всегда лежит научное исследование, однако экспертное исследование представляет собой совершенно особый жанр, существенно отличающийся как от квалификационных работ типа диссертаций, так и от типичных инновационных научных изысканий <...> лингвистическая экспертиза по жанру и духу похожа на лингвистические задачи (задачи лингвистических олимпиад), сконструированные, правда, не изощренным умом исследователя, а самой жизнью» [17, с. 553, 555].

Обобщение практики производства судебных лингвистических экспертиз показывает, что эксперты по-разному решают лингвистические задачи и различным образом излагают в соответствующей части своих заключений ход и результаты иссле-

дования. Особенно сильно различаются заключения экспертов негосударственных судебно-экспертных учреждений, частно-практикующих экспертов. Это чаще всего обусловлено незнанием определяемых процессуальным законодательством требований к заключению и указанной выше жанровой специфики заключения эксперта, отличающей эту разновидность научного текста от других.

Эксперту-лингвисту, во избежание ошибок, следует иметь представление об общих принципах составления заключения эксперта, предложенных Л.Г. Эджубовым, которые, на наш взгляд, наиболее полно характеризуют экспертное лингвистическое исследование:

- *принцип соответствия*: текст заключения эксперта должен полностью отражать ход и результаты проведенного исследования; эксперту необходимо учитывать особенности и специфику экспертного исследования и адекватно отражать их в заключении;

- *принцип согласования с правилами логики*: построение текста заключения эксперта должно согласовываться с логическими нормами; такой текст должен быть последовательным, не должен содержать логических противоречий;

- *принцип полноты описания*: в тексте экспертного заключения должны быть в полной мере отражены все проведенные экспертом исследования;

- *принцип лаконичности описания*: необходимо избегать немотивированных повторов; их можно использовать только для соблюдения некоторых технических рекомендаций;

- *принцип доходчивости описания*: не использовать слишком сложную терминологию и излагать свои мысли четко и ясно [18, с. 111–115].

В соответствии с этими принципами эксперт-лингвист должен изложить процесс исследования полно, последовательно, лаконично, с соблюдением правил логики. Также надо учитывать, что непосредственные адресаты заключения эксперта (лица, назначающие судебную экспертизу) не обладают специальными лингвистическими знаниями.

При изложении процесса исследования эксперту-лингвисту необходимо придерживаться определенной последовательности решения экспертной задачи: установление свойств исследуемого объекта → выявление

ние признаков → оценка выявленных признаков → формулирование вывода.

При этом каждый выявленный экспертом признак должен иметь обоснование, в конкретных случаях следует приводить словарные толкования (не всю словарную статью, а то значение, которое используется в контексте исследуемого объекта и в коммуникативной ситуации).

Примеры из экспертной практики

Для наглядности приведем пример из заключения, в котором верно, с соблюдением вышеприведенных принципов изложен ход решения по вопросу о форме выражения негативной информации:

Во фрагменте текста *Как показывает практика, данный пункт (8.2) компания «XXX», а также аккредитованная лаборатория ОАО «YYY», которая проводит сертификационные испытания в том числе биметаллических радиаторов, трактуют буквально и используют в своей деятельности только два резьбовых калибра и пренебрегают требованием стандарта, по которому нужно проверять качество резьбы также и гладкими калибрами* содержится следующая информация:

А) компания «XXX» и аккредитованная лаборатория ОАО «YYY» трактуют пункт 8.2 ГОСТ 31311-2005 буквально и используют в своей деятельности только два резьбовых калибра (информация содержится в высказывании *Как показывает практика, данный пункт (8.2) компания «XXX», а также аккредитованная лаборатория ОАО «YYY», которая проводит сертификационные испытания в том числе биметаллических радиаторов, трактуют буквально и используют в своей деятельности только два резьбовых калибра...*);

Б) компания «XXX» и аккредитованная лаборатория ОАО «YYY» не соблюдают требования стандарта, в соответствии с которыми необходимо проверять качество резьбы также и гладкими калибрами (информация содержится в высказывании *Как показывает практика, данный пункт (8.2) компания «XXX», а также аккредитованная лаборатория ОАО «YYY», которая проводит сертификационные испытания в том числе биметаллических радиаторов, <...> пренебрегают*²

² ПРЕНЕБРЕЧЬ. 2. Отнестись без внимания к кому-чему-нибудь, не посчитаться с кем-чем-нибудь; не сделать того, что должно [Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. С. 722].

требованием стандарта, по которому нужно проверять качество резьбы также и гладкими калибрами).

Описанные в информации (А) и (Б) действия компании «XXX» и аккредитованной лаборатории ОАО «YYY» подаются как:

- совершенные (о чем свидетельствует использование глаголов в форме изъявительного наклонения настоящего времени «трактуют», «используют», «пренебрегают»);
- конкретные и наблюдаемые (совершенное действие описано в высказывании, речь идет о частном, локализованном во времени событии).

Кроме того, имеет место безальтернативность сообщаемого: информация не сопровождается показателями неуверенности, сомнения, мнения. Напротив, в данном случае используется маркер отсутствия альтернативы – языковое средство с семантикой знания, обозначающее факт получения знания *Как показывает практика*³. Данный показатель истинности сообщаемого свидетельствует о том, что автор выражает отношение к сообщаемой информации: информация мыслится, оценивается автором как достоверная, поскольку основана им на полученном опыте (практике). Автор, используя вводную конструкцию *Как показывает практика*, подтверждает достоверность сообщаемого им.

Выявленные признаки в своей совокупности свидетельствуют о том, что информация (А) и (Б) выражена в форме утверждения о фактах и событиях. В связи с этим она может быть проверена на соответствие/несоответствие действительности.

Для сравнения приведем пример неверного изложения процесса исследования этого же объекта по аналогичному вопросу.

Первое предложение *Как показывает практика, данный пункт (8.2) компания «XXX», а также аккредитованная лаборатория ОАО «YYY», которая проводит сертификационные испытания в том числе биметаллических радиаторов, трактуют буквально и используют в своей деятельности только два резьбовых калибра и пренебрегают требованием стандарта, по которому нужно проверять качество резьбы также и гладкими калибрами* содержит сведения о деятельности ООО «XXX» в форме мнения,

³ ПРАКТИКА. 4. Накопленный опыт, совокупность приемов и навыков в какой-л. области деятельности [Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер., М.: Русский язык, 1999. Т. 3. С. 358].

то есть высказывание относится к субъективной модальности. На то, что в семантическую структуру предложения введено личное отношение автора к сообщаемым сведениям, указывает вводная конструкция *Как показывает практика*. Она является персуазивным компонентом и служит для того, чтобы промаркировать указание на достоверность сообщаемых сведений с точки зрения автора письма. Согласно фундаментальному научному труду «Русская грамматика», «вводные слова, вводные сочетания слов и вводные предложения объединяются специфической и единственной для них функцией, противопоставляющей их всем другим классам слов и сближающей их с модальными частицами: они всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому» (Русская грамматика, т. 2, с. 229–230).

При этом выражение *Как показывает практика* относится в данной фразе ко всему предложению в целом, ведь, опираясь на его прямое значение, именно практика (осмотр, замер, тестирование) позволяет установить, сколько резьбовых калибров используется при сертификации, то есть то, что описано в основных частях предложения. Именно практика позволяет установить, имеет ли место пренебрежением стандартом. Соответственно, персуазивный субъективно-модальный компонент выражения относится равно к глаголам «трактуют», «используют» и «пренебрегают», что дополнительно подтверждается наличием явных отношений синтаксической однородности между указанными глаголами-сказуемыми.

Таким образом, сведения о деятельности ООО «XXX», содержащиеся в предложении *Как показывает практика, данный пункт (8.2) компания «XXX», а также аккредитованная лаборатория ОАО «YYY», которая проводит сертификационные испытания в том числе биметаллических радиаторов, трактуют буквально и используют в своей деятельности только два резьбовых калибра и пренебрегают требованием стандарта, по которому нужно проверять качество резьбы также и гладкими калибрами*, выражены в форме мнения автора письма.

Во втором случае эксперт сразу делает вывод, предварительно не выявив признаки формы выражения информации; использует терминологию, непонятную для тех, кто

не обладает специальными лингвистическими знаниями («субъективная модальность», «персуазивный компонент»); имеет место неполнота изложения хода исследования (не выявлена информация, содержащаяся в исследуемом фрагменте); допущена логическая ошибка, которая привела к неверному выводу (вводные конструкции действительно всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражая его субъективное отношение; это, однако, не всегда переводит сообщаемое в разряд мнений).

Часто эксперты-лингвисты предваряют изложение хода исследования обширным теоретическим разделом, в котором раскрывается содержание понятий, используемых экспертом при проведении исследования (такие разделы называются, как правило, «Определение понятий»). Иногда такой раздел превосходит объемом само исследование объекта или вообще его заменяет. Как отмечает А.М. Плотникова, «известны примеры, когда вводная часть, включающая определение понятий, оказывается более объемной, чем исследовательская часть заключения, сводящаяся к констатации факта и фактически совпадающая с выводами» [14, с. 429]. По нашему мнению, подобный теоретический раздел в заключении эксперта-лингвиста избыточен, он придает исследованию излишнюю научность. Согласно процессуальному законодательству и ведомственным нормативным актам⁴, исследовательская часть заключения должна отражать процесс исследования (отдельно по каждому этапу) и его результаты. Теоретические сведения носят справочный характер и, соответственно, ни тем, ни другим не являются.

Часто данный раздел приводится экспертами формально, копируется из заключения в заключение без учета специфики категории дела, его объекта и экспертной задачи. При этом в некоторых случаях он противоречит самому исследованию. Например, в разделе «Определение понятий» эксперт приводит определение термина «призыв» по А.Н. Баранову, в самом же исследовании приводятся признаки призыва в соответствии с «Методикой проведения комплексной судебной психолого-лингви-

⁴ Например, Методическими рекомендациями по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденными Приказом Минюста России от 20 декабря 2002 г. № 346.

стической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму» [18], в результате чего возникает противоречие внутри исследовательской части.

Нередко в разделе «Определение понятий» эксперты определяют термины, приводя используемое для их обозначения лексические значения слов (в том числе и термины таких сложных социально-психологических категорий, как «ненависть», «вражда», «рознь» и др.). Это совершенно недопустимо. Как известно, лексическое значение отражает только наивное представление о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т. п. и имеет расхождение с научными представлениями о понятиях. Л.В. Щерба отмечал, что специальные термины имеют разные значения в общелитературном и специальном языках.

Еще одно требование процессуального законодательства к исследовательской части заключения связано с необходимостью указывать на примененные экспертом методы и методики исследования.

В рамках судебной лингвистической экспертизы решаются семантические задачи, поэтому в качестве методов исследования в заключении эксперта-лингвиста необходимо приводить методы лингвистической семантики (прежде всего словарный метод, синонимическое перефразирование, семантическая декомпозиция и т. п.). Эти методы должны способствовать проведению полного, всестороннего и объективного исследования и соотноситься с его объектом. Кроме того, не следует лишь формально приводить эти методы, изложение хода исследования должно свидетельствовать об их практическом использовании. В случае указания на цель использования метода необходимо верно эту цель обозначить.

Однако эксперты-лингвисты, прежде всего негосударственные, нередко пренебрегают этими требованиями. Рассмотрим в качестве примера заключение одного эксперта-лингвиста. В нем представлен перечень методов, включающий лингвостилистический анализ, лексико-семантический анализ, семантико-синтаксический анализ, контент-анализ, интен-анализ, психосемантический анализ, анализ кинетического поведения (двигательной активности человека) и мимической экспрессии. Из приведенных методов лингвистического исследования только три первых можно отнести к собственно лингвистическим. Однако их все

еще недостаточно для проведения полного, всестороннего, объективного исследования поставленных вопросов на строго научной основе. Содержание представленных методов большей частью не соответствует их реальному описанию в лингвистической литературе. Так, эксперт, говоря о методе лингвостилистического анализа, указывает, что он «*позволяет определить стиль и жанр исследуемого текста, его функции, выявить круг предполагаемых адресатов и иные экстралингвистические факторы; нацелен на поиск и оценку (толкование) слов и выражений, свидетельствующих о “неправомерном речевом поведении”, это наблюдение над тем, как значения отдельных слов и выражений переходят из области этики речевого взаимодействия в плоскость юридически значимого речевого поведения*».

В действительности же лингвостилистический анализ более узконаправлен. Он предполагает установление стиля текста, а также стилистических характеристик слов и выражений. Лингвостилистический анализ не позволяет наблюдать переход значений из области этики речевого взаимодействия в плоскость юридически значимого речевого поведения. Методы контент-анализа, интен-анализа, психосемантического анализа не являются лингвистическими. Кроме того, объекты, которые исследовал эксперт (3 коротких высказывания) не позволяли применить указанные методы. Так, метод контент-анализа используется только на больших по объему текстах. Применение методов «анализа кинетического поведения» (двигательной активности человека) и «мимической экспрессии» без видеозаписи, только по показаниям свидетелей и потерпевшей невозможно, поскольку эксперт указывает, что применение этих методов «*заключается в выявлении и качественной интерпретации жестов и мимики человека*». В целом, все указывает на то, что ни один из них реально не был применен при проведении исследования и перечень приведен экспертом формально.

Язык раздела «Выводы» – заключения эксперта

Согласно п. 2.5 Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденных Приказом Минюста России от 20 декабря 2002 года № 346, на каждый из поставлен-

ных вопросов дается ответ по существу либо указывается на невозможность его решения, выводы излагаются четким, ясным языком, не допускающим различных толкований, и должны быть понятны лицам, не имеющим специальных знаний. К этим требованиям следует также добавить требования соответствия выводов исследовательской части заключения эксперта и недопустимости формулирования выводов, выходящих за пределы специальных знаний эксперта-лингвиста.

Ответ по существу предполагает прямой ответ на поставленный вопрос. Например, на вопрос «Содержится ли в тексте негативная информация о ФИО?» ответом по существу являются выводы «В тексте содержится негативная информация о ФИО», «В тексте отсутствует негативная информация о ФИО», «В тексте, вероятно, содержится негативная информация о ФИО», «Установить, содержится ли в тексте негативная информация о ФИО, не представляется возможным по причине, изложенной в исследовательской части заключения». Ответом не по существу на этот вопрос может быть, например, вывод «В тексте содержится информация о действиях ФИО, осуждаемых обществом».

Требование к оформлению выводов предполагает недопустимость использования в выводах сложной терминологии, а также терминов, которые могут пониматься двояко. Например, вывод «В приведенных фрагментах наглядно демонстрируется стратегия семантической дискредитации как способ индуцирования необходимой семантики, оформленной с применением лексико-грамматической модели утверждений с отрицательной коннотацией. Модель подобных утверждений предполагает имплицитный отрицательный вывод о ФИО, ее деятельности, и о ее личных, деловых и моральных качествах для проекции вовне для широкой публики» изобилует сложной терминологией, которая никак не раскрывается экспертом.

Пример вывода с двоякой интерпретацией: «Информация в Статье выражена в форме утверждения. Информация в Заголовке выражена в форме некатегорического утверждения». В этом случае использование терминов «утверждение» и «некатегорическое утверждение» может ввести в заблуждение правоприменителя, поскольку в форме утверждения (утвердительно суждения) может передаваться и факт, и

мнение, и оценка (оценочное утверждение). Без применения специальных знаний невозможно понять, что имел в виду эксперт, и как правоприменителю оценивать и использовать такой вывод.

Иногда выводы эксперта-лингвиста не соответствуют проведенному исследованию. Это может быть обусловлено как невнимательностью эксперта, так и нечетким формулированием выводов в исследовательской части.

Нередко эксперты-лингвисты при оценке некоторых высказываний выходят за рамки своих специальных знаний и компетенций. Например, «Наличие негативно-оценочных выражений, относящихся к конкретной личности, расцениваются как посягательство на честь и достоинство данного лица – судьи ФИО»; «Высказывание “...” содержит неприличную языковую форму выражения информации, которая оскорбляет честь и достоинство судьи ФИО, нарушает нормы общественных приличий»; «Сведения, отраженные в представленных фрагментах, имеют выраженную направленность на распространение негативных сведений о личных, деловых и моральных качествах ФИО в форме голословных утверждений, которые порочат ее честь, достоинство и деловую репутацию. В представленных материалах нет объективного подтверждения фактов рейдерского захвата, финансовых злоупотреблений со стороны ФИО и о ее личной непорядочности». В приведенных примерах эксперты квалифицируют высказывания с правовой точки зрения, с точки зрения морали и нравственности, а также ищут подтверждение фактов, что недопустимо.

Заключение

Проблема языка заключения эксперта играет важную роль в практической деятельности судебного эксперта-лингвиста. Ученые отмечают, что даже если экспертное исследование проведено профессионально, сделаны достоверные выводы, в заключении этот материал может быть подан некачественно, поверхностно, с использованием скудной лексики. Подобный документ может вызвать сомнения, что приводит к неоправданному назначению повторной экспертизы [15, с. 5–6]. Соблюдение принципов составления заключения эксперта, ответственное отношение эксперта к выбору языковых средств при изложении хода и результатов исследования позволит повысить статус этого процес-

суального документа в качестве одного из доказательств.

Для судебной лингвистической экспертизы соблюдение перечисленных принципов крайне важно, поскольку заключение эксперта-лингвиста, особенно по резонансным делам, зачастую подвергается

критике ученых-филологов. А.М. Плотникова в связи с этим подчеркивает: «Заключение эксперта – тот тип документа, который включен в судебное разбирательство, может стать объектом критики ученых, то есть такой текст, жизнь которого продолжается за рамками самого текста» [14, с. 430].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эдзубов Л.Г. Язык судебной экспертизы / Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть II. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы / Под. ред. С.А.Смирновой. М.: ЭКОМ, 2012. С. 434–439.
2. Кузнецов В.О. Система понятий как метаязык судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 33–46.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-33-46>
3. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1973. 264 с.
4. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Том I. Общая теория советской криминалистики. М.: Академия МВД СССР, 1977. 340 с.
5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юридическая литература, 1987. 272 с.
6. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юридическая литература, 1982. 152 с.
7. Егоров Н.Н., Ищенко И.П. Криминалистика. М.: Юрайт, 2020. 545 с.
8. Основы судебной экспертизы. Часть I. Общая теория / Отв. ред. Ю.Г. Корухов. М.: РФЦСЭ, 1997. 432 с.
9. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006. 480 с.
10. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. (Судебная экспертология) / Под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 368 с.
11. Юматов В.А., Нестерова О.А. Язык криминалистики и судебной экспертизы. Современное состояние и перспективы развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1-1. С. 254–258.
12. Радби́ль Т.Б., Юматов В.А. Язык судебной экспертизы: тенденции формирования и развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3-2. С. 185–190.
13. Галяшина Е.И. Судебное речеведение: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 320 с.
14. Плотникова А.М. Метаязык судебной лингвистической экспертизы // Вопросы русско-

REFERENCES

1. Edzhubov L.G. The Language of Forensic Examination. *Multimodal Edition "Forensic Science. Reboot". Part 2. Dictionary of Forensic Science* / S.A. Smirnova (Ed.). Moscow: Ekom, 2012. P. 434–439. (In Russ.).
2. Kuznetsov V.O. The System of Concepts As a Metalanguage of Forensic Science. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 33–46. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-33-46>
3. Belkin R.S., Vinberg A.I. *Forensic Science. General Theoretical Issues*. Moscow: Yurid. lit., 1973. 264 p. (In Russ.).
4. Belkin R.S. *Course of Soviet Criminalistics*. Vol. 1. General Part of Soviet Criminalistics. Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1977. 340 p. (In Russ.).
5. Belkin R.S. *Criminalistics: Problems, Trends, Perspectives. General and Subtheories*. Moscow: Yurid. lit., 1987. 272 p. (In Russ.).
6. Selivanov N.A. *Soviet Criminalistics: Conceptual System*. Moscow: Yurid. lit., 1982. 152 p. (In Russ.).
7. Egorov N.N., Ishchenko I.P. *Criminalistics*. Moscow: Yurait, 2020. 545 p. (In Russ.).
8. Korukhov Yu.G. (Ed). *The Basics of Forensic Science*. Part 1. General Theory. Moscow: RFCFS, 1997. 432 p. (In Russ.).
9. Aver'yanova T.V. *Forensic Science. General Theory Course*. Moscow: Norma, 2006. 480 p. (In Russ.).
10. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *The Theory of Forensic Science. (Forensic Expertology)*. 2nd ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2016. 368 p. (In Russ.).
11. Yumatov V.A., Nesterova O.A. The Language of Criminalistics and Forensic Examination. Current State and Development Prospects. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012. No. 1-1. P. 254–258. (In Russ.).
12. Radbil' T.B., Yumatov V.A. The Language of Forensics: Formation and Development Trends. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014. No. 3-2. P. 185–190. (In Russ.).
13. Galyashina E.I. *Forensic Speech Studies*. Textbook. Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 320 p. (In Russ.).
14. Plotnikova A.M. Metalanguage of Forensic Linguistic Expertise. *Russian Language Issues*

- го языка в юридических делах и процедурах. Международная научно-практическая конференция. СПб.: Первый класс, 2021. С. 423–431.
15. Смирнова С.А., Усов А.И., Микляева О.В. Основы формирования заключения эксперта. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2015. 236 с.
 16. Шляхов А.Р. Заключение эксперта. Рекомендации по повышению их качества и доказательственного значения / Шляхов А.Р. Труды по судебной экспертизе. М.: Наука, 2006. С. 166–190.
 17. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
 18. Эджубов Л.Г. Заключение эксперта / Мультиформальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть II. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы / Под. ред. С.А. Смирновой. М.: ЭКОМ, 2012. С. 111–115.
 19. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секе-
раж Т.Н. Методика проведения судебной
психолого-лингвистической экспертизы ма-
териалов по делам, связанным с противо-
действием экстремизму и терроризму. Изд.
2-е, перераб. и доп. М.: ФБУ РФЦСЭ при Ми-
нюсте России, 2022. 108 с.
<https://doi.org/10.30764/978-5-91133-245-7-2022-11>
 15. Smirnova S.A., Usov A.I., Miklyaeva O.V. *Fundamentals of Forming an Expert Opinion*. Moscow: RFCFS, 2015. 236 p. (In Russ.).
 16. Shlyakhov A.R. Expert Conclusion. Recommendations to Improve Their Quality and Evidentiary Value. *Works on Forensic Expertise*. Moscow: Nauka, 2006. P. 166–190. (In Russ.).
 17. Baranov A.N. *Linguistic Expertise of a Text. Theory and Practice. Textbook*. Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 592 p. (In Russ.).
 18. Edjubov L.G. Expert Opinion. *Multimodal Edition "Forensic Science. Reboot"*. Part 2. *Encyclopedic Dictionary of the Theory of Forensic Expertise* / S.A. Smirnova (Ed.). Moscow, 2012. P. 111–115. (In Russ.).
 19. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Method of Conducting Complex Forensic Psychological and Linguistic Examination on Cases Related to Counteraction to Extremism and Terrorism*. 2nd ed. Moscow: RFCFS, 2022. 108 p. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/978-5-91133-245-7-2022-11>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Виталий Олегович – к. юр. н., к. филол. н., начальник отдела судебной лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России;
e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Vitaly Olegovich – Candidate of Law, Candidate of Philology, Head of the Laboratory of Forensics Linguistic of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice;
e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

Статья поступила: 10.01.2023
После доработки: 02.02.2023
Принята к печати: 15.02.2023

Received: January 10, 2023
Revised: February 02, 2023
Accepted: February 15, 2023